

После бала

Сегодня - 1997 -
8 апр. - с. 2.

Фестиваль в Авиньоне закончился.
Скоро начнется театральный сезон в Москве

ЛАРИСА ЮСИПОВА

КАК ИЗВЕСТНО, центральным событием юбилейного театрального фестиваля в Авиньоне стала русская программа, то есть девять привезенных из Москвы и Петербурга спектаклей. Четыре из них принадлежали мастерской Петра Фоменко. На вопросы «Сегодня» отвечает режиссер студии и главный режиссер театра на Малой Бронной, один из лидеров своего режиссерского поколения, СЕРГЕЙ ЖЕНОВАЧ.

— За последние несколько лет в театре на Малой Бронной вы сделали сначала развернутую, в трех вечерах, инсценировку «Идиота» Достоевского, а потом обратились к драматургии — поставили Тургенева и Володина. Надоело инсценировать романы?

— Прозу инсценировать никогда не надоеет. Но неинтересно все время заниматься одним и тем же. После Достоевского захотелось веселья, простоты, ясности. Так возникла в нашем театре драматургия Тургенева. Всегда существуют какие-то внешние обстоятельства, от которых многое зависит: обстановка в театре, что в стране происходит, что творится со зрителями. В какой-то момент я почувствовал, что актеры устали от классики, нам захотелось обрести гармонию в недавнем прошлом. Объясниться в любви к поколению пятидесятых, не впадая в ностальгию. Так возник в нашем театре Александр Володин — один из лучших русских драматургов, незаслуженно забытый.

— Вы, в отличие от многих ваших ровесников, кажется, не очень любите переделывать пьесы по ходу репетиций?

— По-моему, интерес в театре рождается на стыке творчества режиссера и драматурга. Надо сначала присвоить мысли и чувства автора, зажить его жизнью, а потом начинать творить, строить сценический мир. Тогда уже возможны перестановки, монтаж, купюры — мы вот «Пучину» играли задом наперед. Но прежде чем вычеркнуть какую-то фразу из Островского, надо подумать: почему он сам-то ее не

вычеркнул, может, имел в виду что-то, чего мы не понимаем, не чувствуем? Я, например, взял раннюю редакцию «Пяти вечеров» — ту, что шла в БДТ. Она не такая мастеровитая, как последняя, которая легла в основу фильма Михалкова, но ее неуклюжесть дорогого стоит. Когда театр постепенно превращается в компьютер, именно эта корявость кажется интересной и важной.

— К вопросу о театре, где успех вычисляется по компьютеру. На Малую Бронную и в Мастерскую Фоменко ходят не меньше, чем на коммерческие спектакли. Вы задумывались, почему?

— Наверное, привлекает чистота содержания, чистота смысла. Мне нравится, когда люди в театре плачут, когда смеются. А ставить спектакли только для того, чтобы кого-то эпатировать, удивить, ошеломить, мне совершенно неинтересно.

— «Малая Бронная», как и остальные российские театры, живет материально тяжело. Не станет ли легче, если реализуется предложение Марка Захарова сократить число репертуарных театров и таким образом облегчить жизнь оставшимся?

— Мне кажется, дело не в количестве (вообще-то театров должно быть больше), дело в организации. Советский Союз умер, а советская система театральной жизни осталась; надо понять, что делать с этими громоздкими механизмами.

— И что же?

— Идеи стары как мир. Лучше контрактной системы для репертуарного театра ничего не придумаешь. Нужен конкурс на назначение главного режиссера. Люди представляют свою программу на три-пять лет, жюри из актеров, критиков, чиновников закрытым голосованием выбирает, какая программа лучше. Будет, конечно, и интриги, и обиды, но это жизнь. Есть у человека взаимопонимание с актерами, цехами — он работает. Кончилось взаимопонимание — человек уходит, а театр продолжает жить. Иначе складывается безнравственная система, когда приходится дожидаться физической смерти актера или режис-

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

«Месяц в деревне» шел в Авиньоне под слайды с русским текстом. К синхрону через наушники здесь относятся плохо

сера, чтобы освободилось место. А молодым в этой ситуации что делать, куда идти? Вот Мастерская Фоменко, например. Если бы эти актеры после ГИТИСа влились в какой-то театр, хотя бы и во МХАТ, сделали бы они то, что сделали? Наверяд ли. Сейчас начинается явное расслоение: есть люди, которые занимаются театром, и люди, которые ставят просто ставят спектакли. Тех, которые занимаются театром, становится все меньше и меньше. Хорошо бы их сохранить. Мы на Бронной в этом сезоне открываем малую сцену. Я хочу, чтобы там работали молодые: раз уж я стал главным режиссером, то должен это сделать.

— Вы сейчас вернулись из Авиньона. Вам довелось говорить со своими ровесниками — режиссерами из других стран, понять, как они живут?

— Честно говоря, было не до общения. Мастерская Фоменко привезла четыре спектакля, сыграли их 17 раз, это были настоящие гастроли. Когда выдавались свободные вечера, ходили смотреть спектакли. К Васильеву в Москве не попадешь, а тут я по-

смотрел «Амфитрион», побывал у него на актерском тренинге...

— Авиньон славится тем, что почти все спектакли играют под открытым небом и не прерываются ни при какой погоде. Известная история, когда Жерар Филип под проливным дождем держал «мхатовскую» паузу чуть ли не пять минут: чтобы мобилизовать внимание зрителей. Этим летом что-нибудь подобное было?

— Нынешний июль был ужасно жарким и грозным. Все русские театры оказались умнее нас и выбрали закрытые площадки. А Мастерская Фоменко все играла под открытым небом — кроме цветаевского «Приключения»: оно шло в старой церкви. Так вот. На втором представлении «Месяца в деревне» подул знаменитый французский мистраль. Актерам пришлось форсировать и голос, и чувства, чтобы его перекричать. Получалось совсем новое, трагическое представление. Я было смалодушничал и решил, что ветер нас переиграл, спектакль длинный и в антракте все разбегутся. Но зрители остались, устроили в конце овацию, говорили потом, что это было лучшее наше представление.

— Вам на фестивале понравилось?

— С одной стороны, можно только позавидовать, сколько сил и энергии вкладывается в праздник. Город живет жизнью театра. Спектакли заканчиваются глубокой ночью, все кафе, ресторанчики открыты до утра, зайдешь перекусить, видишь, что вместо салфетки — театральная программка. Это захватывает. Но, с другой стороны, серьезных драматических спектаклей я там не обнаружил. Кроме наших. Русская афиша действительно стала стержнем программы: это видно и по прессе, и по оказанному приему. «Liberacion», например, фактически в каждом номере давала портреты наших актеров. Дома ведь ничего вокруг себя не замечаешь, погружен только в собственные проблемы. А тут на общем фоне понимаешь, что весь этот наш московский театральный огород действительно очень сильная вещь. По-моему, все это почувствовали. Сейчас даже кажется, что и в Москве дела теперь пойдут иначе. Что непременно все вместе до чего-нибудь умного додумаются...